

В. Г. Белинский

О воспитании умственном и нравственном

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Б43

Б43 **Белинский В.Г.**
О воспитании умственном и нравственном / В. Г. Белинский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 72 с.

ISBN 978-5-458-16820-5

Посвящается родителям и наставникам.

ISBN 978-5-458-16820-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ.....	4
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	5
I. УМСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.....	7
РАЗСУДОКЪ И РАЗУМЪ.....	7
ПОНЯТИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.....	7
УМОЗРѢНІЕ И ОПЫТЬ.....	8
УБѢЖДЕНИЕ И ИСТИНА.....	10
ГОРЬКАЯ ИСТИНА И ПРИЯТНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ.....	10
ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПРИЗРАЧНОСТЬ.....	11
ОСТРОУМІЕ.....	12
УЧЕНОСТЬ.....	13
НАГЛЯДНОСТЬ.....	14
ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ПОНЯТИЙ.....	14
II. НРАВСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.....	16
НРАВСТВЕННОСТЬ.....	16
НРАВСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.....	16
КТО ИСТИННО ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ?.....	17
СОВѢСТЬ.....	18
ДОБРО И ЗЛО.....	19
ТВЕРДОСТЬ УБѢЖДЕНІЯ.....	20
Цѣли личныя и общечеловѣческія.....	20
ДѢЯТЕЛИ НАСТОЯЩАГО И БУДУЩАГО.....	21
ЗНАЧЕНИЕ СМѢХА ВЪ ДѢЛЪ ОТЛИЧЕНИЯ ИСТИНЫ ОТЪ ЛЖИ.....	21
III. ЖИЗНЬ СЕРДЦА.....	22
ЧУВСТВО И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ.....	22
ЧУВСТВО И РАЗУМЪ.....	22
ЧУВСТВО И УМЪ.....	23
ЛЮБОВЬ. ЕЯ ОСНОВАНІЯ И СВОЙСТВА.....	24
ЛЮБОВЬ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ.....	24
ЛЮБОВЬ ВЪ РАЗЛИЧНЫЕ ВОЗРАСТЫ.....	28
РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ.....	29
ХРИСТИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ.....	34
ДРУЖБА.....	36
ЭГОИЗМЪ.....	37
НЕВѢРІЕ.....	39
"ПРЕКРАСНАЯ ДУША".....	39
IV. ЛИЧНОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВѢКА.....	41
ОБЩІЯ УСЛОВІЯ РАЗВИТИЯ.....	41
МЛАДЕНЧЕСТВО.....	41
ЮНОСТЬ.....	42
ЛЮДИ ДОСТИГШІЕ И ЛЮДИ ПОСТОЯННО СТРЕМЯЩІЕСЯ.....	43
ЮНОШИ И СТАРИКИ.....	44
СТАРЧЕСТВО.....	45
ЛЮДИ НИЧѢМЪ НЕДОВОЛЬНЫЕ.....	46
НАУКА И ЖИЗНЬ, КАКЪ УСЛОВІЯ РАЗВИТИЯ.....	47
V. ЧЕЛОВѢКЪ, КАКЪ ЧЛЕНЪ ОБЩЕСТВА.....	48

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО.....	48
МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА.....	49
VI. ВОСПИТАНИЕ.....	52
РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ВОСПИТАНИЕ.....	52
ВАЖНОСТЬ ВОСПИТАНИЯ.....	54
ЦѢЛЬ ВОСПИТАНИЯ.....	55
РАЗВИТИЕ ВЪ ДѢТЯХЪ ЧУВСТВА БЕЗКОНЕЧНАГО.....	58
ДѢТСКИЯ КНИГИ.....	59
КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ НАШИХЪ ЮНОШЕЙ.....	70
О ЧТЕНИИ РОМАНОВЪ.....	71

I. УМСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Разсудокъ и разумъ

Въ человѣкѣ двѣ силы познанія: разсудокъ и разумъ. У каждой изъ нихъ своя сфера: конечность есть сфера разсудка, безконечное понятно только для разума. Разумъ въ человѣкѣ необходимо предполагаетъ и разсудокъ, но разсудокъ не условливаетъ собою разума. Разсудокъ, когда онъ дѣйствуетъ въ своей сферѣ, есть также искра Божія, какъ и разумъ, и возвышаетъ человѣка надъ всею остальною природою, какъ ступень сознанія; но когда разсудокъ вступаетъ въ права разума, тогда для человѣка гибнетъ все святое въ жизни, и жизнь перестаетъ быть таинствомъ, но дѣлается борьбою эгоистическихъ личностей, азартною игрою, въ которой торжествуетъ хитрый и безжалостный, и гибнетъ неловкій или совсѣстливый. Разсудокъ, или то, что французы называютъ *le bon sens*, что они такъ уважаютъ. и представителями чего они съ такою гордостію провозглашаютъ себя, разсудокъ уничтожаетъ все, что, выходя изъ сферы конечности, понятно для человѣка только силою благодати Божіей, силою откровенія; въ своемъ мишурномъ величіи онъ гордо попираетъ ногами все это, потому только, что онъ бессиленъ проникнуть въ таинство безконечнаго. XVIII вѣкъ быль именно вѣкомъ торжества разсудка, вѣкомъ, когда все было переведено на ясныя, очевидныя и для всякаго доступныя понятія. Разумъ также переводить въ опредѣленныя понятія, но уже не конечное, а безконечное; также выговариваетъ опредѣленнымъ словомъ, но уже то, что не подлежитъ чувственному созерцанію, и его опредѣленія и выговариванія не оковываются значеніемъ сущаго мертвю неподвижностію разсудка, но, схватывая моментъ вѣчной жизни общаго и абсолютнаго, заключаютъ въ себѣ безконечную возможность опредѣлений дальнѣйшихъ моментовъ. Въ опредѣленіяхъ разсудка — смерть и неподвижность; въ опредѣленіяхъ разума — жизнь и движение. Сознавать можно только существующее: такъ неужели конечныя истины очевидности и соображенія опыта существеннѣе, нежели тѣ дивныя и таинственные потребности, порыванія и движенія нашего духа, которыя мы называемъ чувствомъ, благодатью, откровеніемъ, просвѣтлѣніемъ? Кто, по натурѣ своей, есть духъ отъ духа, — тотъ по праву рожденія причастенъ всѣхъ даровъ духа, недоступныхъ плоти и ея душѣ — разсудку. Разсудокъ становить человѣка выше всѣхъ животныхъ; но только разумъ дѣлаетъ его человѣкомъ по превосходству. Разсудокъ не шагаетъ далѣе "точныхъ" наукъ и не понимаетъ ничего, выходящаго изъ тѣснаго круга "полезнаго" и "насущнаго"; разумъ же объемлетъ безконечную сферу сверхъ-опытнаго и сверхъ-чувственнаго, дѣлаетъ яснымъ непостижимое, очевиднымъ — неопределеннное, опредѣленнымъ — "неточное".

Понятіе и представлениe.

Во всякомъ понятіи заключаются двѣ, повидимому, враждебныя между собою, но на самомъ дѣлѣ единосущныя стороны, стороны эти, повидимому, никогда не могутъ сойтись между собою, но тѣмъ не менѣе должны примириться, слиться другъ съ другомъ и образовать новое, уже полное, органическое понятіе. Это примиреніе совершается не вдругъ, но чрезъ постепенное развитіе; оно бываетъ плодомъ раздѣленія, развоенія, борьбы; оно совершается по законамъ необходимости, въ жизненномъ, органическомъ процессѣ. Этимъ понятіе, или философская мысль, идея, отличается отъ простого представления. Представлениe есть нѣчто виѣшнее, готовое, неподвижное, безъ начала, безъ конца, безъ развитія. Понятіе (мысль или идея) есть нѣчто живое, заключающее въ себѣ силу органическаго развитія изъ самого себя, способное совершить полный кругъ развитія въ самомъ себѣ, слѣдовательно выходящее изъ

самого себя и заключающееся самимъ же собою. Представленіе можетъ быть сравнено со всякимъ неорганическимъ предметомъ въ природѣ; понятіе можетъ быть сравнено съ зерномъ, которое заключаетъ въ себѣ живительную силу, развивающуюся въ стволь, вѣтви, листья и цвѣты растенія, и которое, совершивъ полный кругъ своего развитія, снова дѣлается зерномъ. Живое, истинное понятіе есть только то, которое носить въ самомъ себѣ зародыши борьбы и распаденія, въ которомъ заключается возможность раздѣленія на самого себя, и потомъ примиренія съ самимъ собою; всякое другое есть или понятіе мертвое и ложное, или простое эмпирическое представление. Процессъ развитія живого понятія — слѣдующій: умъ нашъ сперва принимаетъ только одну сторону понятія; другую, противоположную ей, отвергаетъ, какъ ложь. Принявъ за истину одну сторону понятія, умъ доводить ее до крайности, которая впадаетъ въ нелѣпость и тѣмъ самымъ отрицаетъ себя: это первый актъ процесса развитія идеи. Увидѣвъ ложь въ доведенной до крайности сторонѣ понятія, умъ отрицаетъ эту сторону, и бросается непремѣнно въ противоположную ей сторону, которую также доводить до крайности, а слѣдовательно и до необходимости отрицанія: это второй актъ процесса развитія идеи. И вотъ понятіе распалось на двѣ противоположныя и враждебныя стороны, которыхъ нельзя помирить никакимъ посредствующимъ, третьимъ понятіемъ —иначе примиреніе будетъ натянутое и вѣшнее. Между тѣмъ, несмотря на свою враждебную противоположность, обѣ стороны раздѣлившагося понятія не могутъ равнодушно разстаться, или положиться на посредничество чуждаго имъ понятія; онѣ борются между собою; умъ уже не признаетъ рѣшительно-ложною или рѣшительно-истинною ни одной изъ нихъ, и онъ переходитъ то къ той, то къ этой, какъ вдругъ начинаетъ замѣтать, что въ каждой изъ нихъ есть своя доля истины и своя доля лжи, и что, для искомой имъ истины, обѣ стороны, такъ сказать нуждаются другъ въ другѣ, обѣ проникаютъ и ограничиваютъ себя взаимно: это третій актъ процесса развитія понятія. Наконецъ, умъ ясно видить, что обѣ противоположныя крайности не чужды одна другой, но даже родственны, что онѣ — только двѣ стороны одного и того же цѣльного понятія, что онѣ ложны только въ своей отвлеченной односторонности, но что искомая имъ истина заключается въ ихъ примиреніи, въ которомъ онѣ сливаются другъ съ другомъ и образуютъ новое цѣлое понятіе: это послѣдній актъ процесса развитія понятія. Послѣ этого акта, понятіе, такъ сказать, находить самого себя, но уже развившимъ, совершившимъ свой жизненный процессъ, сознавшимъ себя: это зерно, которое, прошедши всѣ фазы растенія, снова стало зерномъ.

Умозрѣніе и опытъ.

Есть два способа изслѣдованія истины: a priori и a posteriori, т.е. изъ чистаго разума и изъ опыта. Много было споровъ о преимуществѣ того и другого способа, и даже теперь нѣть никакой возможности примирить эти двѣ враждующія стороны. Одни говорятьъ, что познаніе, для того чтобы быть вѣрнымъ, должно выходить изъ самого разума, какъ источника нашего сознанія, слѣдовательно должно быть субъективно, потому что все сущее имѣть значеніе только въ нашемъ сознаніи и не существуютъ само для себя; другіе думаютъ, что познаніе тогда только вѣрно, когда выведено изъ фактовъ, явленій, основано на опыте. Для первыхъ существуетъ одно сознаніе, и реальность заключается только въ разумѣ, а все остальное бездушно, мертвое и безсмысленно само по себѣ, безъ отношенія къ сознанію; словомъ, у нихъ разумъ есть царь, законодатель, сила творческая, которая даетъ жизнь и значеніе несуществующему и мертвому. Для вторыхъ, реальность заключается въ вещахъ, фактахъ, въ явленіяхъ природы, а разумъ есть не что иное, какъ поденщикъ, рабъ мертвой дѣйствительности, принимающій отъ ней законы и измѣняющійся по ея прихоти, слѣдовательно мечта, призракъ. Вся вселенная, все сущее есть не что иное, какъ единство въ многоразличії, безконечная цѣль модифікацій одной и той же идеи; умъ, теряясь въ этомъ

многообразії, стремится привести его въ своеи сознаніи къ единству, и исторія філософії есть не что иное, какъ исторія этого стремленія. Яица Леды, вода, воздухъ, огонь, принимавшіся за начала и источникъ всего сущаго, доказываютъ, что и младенческій умъ проявлялся въ томъ же стремленіи, въ какомъ онъ проявляется и теперь. Непрочность первоначальныхъ філософскихъ системъ, выведенныхъ изъ чистаго разума, заключается совсѣмъ не въ томъ, что онѣ были основаны не на опыте, а, напротивъ, въ ихъ зависимости отъ опыта, потому что младенческій умъ береть всегда за основной законъ своего умозрѣнія не идею, въ немъ самомъ лежащую, а какое-нибудь явленіе природы, и слѣдовательно выводить идеи изъ фактовъ, а не факты изъ идей. Факты и явленія не существуютъ сами по себѣ: они всѣ заключаются въ насъ. Вотъ, напримѣръ, красный четырехугольный столъ: красный цветъ есть произведение моего зрительного нерва, приведенного въ сотрясеніе отъ созерцанія стола; четырехугольная форма есть типъ формы, произведенный моимъ духомъ, заключенный во мнѣ самомъ и придаваемый мною столу; самое же значеніе стола есть понятіе, опять-таки во мнѣ же заключающееся и мною же созданное, потому что изображенію стола предшествовала необходимость стола, слѣдовательно столъ былъ резултатомъ понятія, созданного самимъ человѣкомъ, а не полученного имъ отъ какого-нибудь внешняго предмета. Внѣшніе предметы только даютъ толчокъ нашему я и возбуждаютъ въ немъ понятія, которыя оно придаетъ имъ. Мы этимъ отнюдь не хотимъ отвергнуть необходимости изученія фактовъ: напротивъ, допускаемъ вполнѣ необходимость этого изученія; только съ тѣмъ вмѣстѣ хотимъ сказать, что это изученіе должно быть чисто умозрительное и что факты должно объяснять мыслю, а не мысли выводить изъ фактовъ. Иначе матерія будетъ началомъ духа, а духъ рабомъ матеріи.

Умозрѣніе всегда основывается на законахъ необходимости, а эмпіризмъ — на условныхъ явленіяхъ мертвой дѣйствительности. Поэтому первое есть зданіе, построенное на камнѣ; второе — зданіе, построенное на пескѣ, которое тотчасъ валится, если вѣтеръ сдуетъ хоть одну изъ песчинокъ, составляющихъ его зыбкое основаніе. Математика есть наука по-преимуществу положительная и точная, и между тѣмъ нисколько не эмпірическая, а выведенная изъ законовъ чистаго разума, что одно и то же; что дважды два — четыре, эта истина узнана не изъ опыта, а изъ духа перенесена въ опытъ. Что такое всѣ гипотезы, на которыхъ основана астрономія, какъ не умозрѣніе? А между тѣмъ развѣ астрономія наука не положительная? Два величайшія открытія въ области нашего вѣдѣнія — Америка и планетная система — сдѣланы a priori. Надѣ Колумбомъ и Галилеемъ смѣялись, какъ надѣ сумасшедшими, потому что опытъ явно опровергалъ ихъ; но они вѣрили своему разуму, и разумъ былъ оправданъ ими.

Но еще страннѣе намъ кажется мысль о какомъ-то современному соединеніи умозрительного и эмпірическаго способа изслѣдованія истины: помилуйте, это сущая нелѣпость, которую уничтожается цѣлый кругъ знанія, возможность всякой науки, потому что этимъ отрицается дѣйствительность не только умозрѣнія, но и самого опыта: если умозрѣніе нуждается въ помощи опыта, значитъ оно недостаточно; если опытъ нуждается въ помощи умозрѣнія, значитъ и онъ недостаточенъ. Признавая недостаточность опыта, мы уничтожаемъ реальность фактовъ, независимую отъ нашего сознанія, и утверждаемъ тѣмъ, что посредствомъ опыта решительно ничего не можно узнать; признавая недостаточность умозрѣнія, превращаемъ нашъ разумъ въ фантомъ и утверждаемъ, что и посредствомъ разума ничего невозможно узнать. Слѣдовательно, къ чему же поведетъ это соединеніе? Только два однородные предмета могутъ составить одно цѣлое. Другое дѣло — повѣрка умозрѣнія опытомъ, приложеніе умозрѣнія къ фактамъ: это дѣло возможное. Если умозрѣніе вѣрно, то опытъ непремѣнно долженъ подтверждать его въ приложеніи, потому что, какъ мы уже сказали, и самое опытное знаніе есть необходимо умозрительное, вслѣдствіе того, что фактъ имѣть жизнь и значеніе не самъ по себѣ, а только по тому понятію, которое онъ пробуждаетъ въ

нашемъ сознаніи и которое мы къ нему прилагаемъ.. Слѣдовательно, если факты поняты вѣрно, они непремѣнно должны подтверждать умозрѣніе, потому что умозрѣніе не противорѣчит умозрѣнію.

Факты — ничто, и одно знаніе фактовъ также ничто, но что все дѣло въ разумѣнніи значенія фактовъ. Мы этимъ отнюдь не хотимъ сказать, чтобы фактическое знаніе было ненужно, бесполезно: мы хотимъ сказать только, что знаніе фактовъ безъ разумѣння ихъ еще не есть знаніе въ истинномъ и высшемъ значеніи этого слова. Безъ знанія фактовъ невозможно и разумѣніе ихъ, потому что когда нѣть фактовъ, какъ данныхъ, какъ предметовъ знанія, тогда нечего и уразумѣвать; слѣдовательно, и фактическое знаніе необходимо; только безъ философскаго знанія оно будетъ таким же призракомъ, какъ и философское знаніе безъ фактическаго подготовленія и основанія. И дѣйствительно, въ прежнюю, созерцательную эпоху только смотрѣли на то, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, и посмотрѣвъ, записывали, что видѣли; теперь смотрятъ еще пристальнѣе, еще внимательнѣе, но, смотря, вникаютъ и судятъ, и тогда только почитаютъ себя чѣ-нибудь увидѣвшими, когда откроютъ смыслъ и значеніе увидѣннаго, переведутъ фактъ на идею.

Убѣжденіе и истина.

Убѣжденіе и истина — не одно и тоже: это два отдельныя и самобытныя начала которыя могутъ быть сильны только во взаимномъ проникновеніи, но которыя часто являются каждое самимъ по себѣ, и потому каждое безсильнымъ и бесплоднымъ. Хотя въ наше время примѣры религиознаго фанатизма и рѣдки, однако и въ наше время могутъ существовать люди, которые отъ души убѣждены, что аутодафѣ — вещь необходимая для спасенія душъ. Такое убѣжденіе можетъ быть и сильно, и глубоко, и безкорыстно; но тѣмъ не менѣе оно ложно. При томъ же, въ дѣлѣ убѣжденій, должно обращать вниманіе на источникъ убѣжденія.

Горькая истина и пріятное заблужденіе.

Истина есть высочайшая дѣйствительность и высочайшее благо; только одна она даетъ дѣйствительное, а не воображаемое счастіе. Самая горькая истина лучше самаго пріятнаго заблужденія. О, вы, чувствительныя существа, такъ крѣпко держащіяся за свои бѣдныя убѣжденъица, предпочитающія самое грубое, но пріятное для вашихъ конфектныхъ сердцеъ заблужденіе горькой истинѣ, — къ вамъ въ особенности обращаемъ мы рѣчь свою. Вы приходите въ домъ умалишенныхъ, и видите человѣка, который, надѣвъ сверхъ своего вязаннаго колпака бумажную корону, почитаетъ себя властелиномъ: вѣдь онъ счастливъ своимъ убѣжденіемъ, такъ счастливъ, что вамъ, знающимъ всю тягость жизни, должно бы было отъ всей души завидовать его счастію — не правда ли?... Но отчего же вы смотрите на него съ невольнымъ сожалѣніемъ, и не можете безъ содраганія подумать о возможности для васъ самихъ подобнаго блаженства?... Видите ли, самая ужасная истина лучше самаго лестнаго заблужденія?... А между тѣмъ какъ много на свѣтѣ такихъ бумажныхъ властелиновъ и не въ одномъ домѣ умалишенныхъ, а въ своихъ собственныхъ и, притомъ, иногда очень богатыхъ домахъ, между людьми, которые пользуются извѣстностію отлично умныхъ головъ!... Геніальныи Сервантесь, въ своемъ "Донъ Кихотѣ", творчески воспроизвелъ идею этихъ бумажныхъ рыцарей, для которыхъ пріятный обманъ дороже горькой истины... Какъ рады они своему несчастію, какъ горды своимъ позоромъ!... Неужели же имъ должно завидовать? Нѣтъ, вы смотрите на нихъ съ тѣмъ насмѣшливымъ состраданіемъ, которое унижительнѣе, обиднѣе полнаго, презрительнаго невниманія!...

Дѣйствительность и призрачность.

Подъ словомъ "дѣйствительность" разумѣется все, что есть — міръ видимый и міръ духовный, міръ фактовъ и міръ идей. Разумъ въ сознаніи и разумъ въ явленіи, словомъ, открывающійся самому себѣ духъ есть дѣйствительность; тогда какъ все частное, все случайное, все неразумное есть призрачность, какъ противоположность дѣйствительности, какъ ея отрицаніе, какъ кажущееся, но не сущее. Человѣкъ пьеть, ёстъ, одѣвается — это міръ призраковъ, потому что въ этомъ нисколько не участвуетъ духъ его; человѣкъ чувствуетъ, мыслитъ, сознаетъ себя органомъ, сосудомъ духа, конечною частностю общаго и безконечнаго — это міръ дѣйствительности. Человѣкъ служить царю и отечеству вслѣдствіе возвышенного понятія о своихъ обязанностяхъ къ нимъ, вслѣдствіе желанія быть орудіемъ истины и блага, вслѣдствіе сознанія себя, какъ части общества, своего кровнаго и духовнаго родства съ нимъ — это міръ дѣйствительности. "Овому талантъ, овому два", — и потому, какъ бы ни была ограничена сфера дѣятельности человѣка, какъ бы ни незначительно было мѣсто, занимаемое имъ не только въ человѣчествѣ, но и въ обществѣ, но если онъ, кромѣ своей конечной личности, кромѣ своей ограниченной индивидуальности, видить въ жизни нѣчто общее, и въ сознаніи этого общаго, по степени своего разумѣнія, находить источникъ своего счастія, — онъ живеть въ дѣйствительности и есть дѣйствительный человѣкъ, а не призракъ, — истинный, сущій, а не кажущійся только человѣкъ. Если человѣку недоступны объективные интересы, каковы жизнь и развитіе отечества, ему могутъ быть доступны интересы своего сословія, своего городка, своей деревни, такъ что онъ находитъ какое-то, часто странное и непонятное для самого себя, наслажденіе для ихъ выгода лишаться собственныхъ личныхъ выгодъ — и тогда онъ живеть въ дѣйствительности. Если же онъ не возвышается и до такихъ интересовъ, — пусть онъ будетъ супругомъ, отцомъ, семьяниномъ, любовникомъ, но только не въ животномъ, а въ человѣческомъ значеніи, источникъ котораго есть любовь, какъ бы ни была она ограничена, лишь бы только была отрицаніемъ его личности, — онъ опять живеть въ дѣйствительности. На какой бы степени ни проявился духъ, онъ — дѣйствительность, потому что онъ любовь или безсознательная разумность, — а потомъ разумъ, или любовь, сознавшая себя.

Мы шли отъ высшихъ ступеней къ низшимъ; пойдемъ обратно, и увидимъ, что, въ сознаніи истины, высшая дѣйствительность есть религія, искусство и наука; въ жизни — историческое лицо, гений, проявившій свою дѣятельность въ которой-нибудь изъ этихъ абсолютныхъ сферъ, вѣтъ которыхъ все — призракъ. Практическая дѣятельность исторического лица, имѣвшаго вліяніе на судьбу народа и человѣчества, не исключается изъ этихъ сферъ, потому что сознаніе идеи его дѣятельности возможно только въ этихъ сферахъ.

Не все то, что есть, только есть. Всякій предметъ физического и умственного міра есть или вещь по себѣ, или вещь и по себѣ (*an sich*) и для себя (*für sich*). Дѣйствительно есть только то, что есть и по себѣ и для себя, только то, что знаетъ, что оно есть и по себѣ и для себя, и что оно есть для себя въ общемъ. Кусокъ дерева есть, но онъ есть не для себя, а только по себѣ: онъ существуетъ только какъ объектъ, а не какъ объектъ-субъектъ, и человѣкъ знаетъ о немъ, что онъ есть, а не онъ самъ знаетъ о себѣ. Это же явленіе представляетъ собою и человѣкъ, когда его сознаніе, или его субъективно-объективное существованіе заключено только въ смыслѣ или конечномъ разсудкѣ, на-глухо заперто въ соображеніи своихъ личныхъ выгодъ, въ эгоистической дѣятельности, а не въ разумѣ, какъ въ сознаніи себя только черезъ общее, какъ въ частномъ и преходящемъ выраженіи общаго и вѣчнаго: онъ призракъ, ничто, хотя и кажется чѣмъ-то. Вы уже въ порѣ мужества, въ вашей душѣ есть любовь и вамъ доступно общее, человѣческое: обратите ваши взоры на свое прошедшее, что вы тамъ увидите? Конечно, ваша память не представить вамъ ни платья, которое вы износили, ни кушаний, которыми вы лакомились, ни минутъ, когда удовлетворено было ваше тщеславіе, или другія мелкія страстишки и пошлыя чувствованыица; но вы вспомните тѣ минуты, когда васъ поражалъ видъ

восходящаго солнца, вечерняя заря, буря и вѣдро, и всѣ явленія роскошно-великолѣпной природы, этого храма Бога живого; вы вспомните минуты, когда вы тепло молились, плакали слезами раскаянія, любви, чистой радости, когда васъ поражала новая мысль, словомъ, всѣ моменты, всѣ феномены вашего духа, не исключая отсюда и уклоненій отъ истины, если они были моментами отрицанія, необходимыми для познанія истины. Конечно, вы, можетъ быть, вспомните и платье, которое особенно восхищало вашу младенческую душу, и самоваръ, который собирали вокругъ себя вашего отца, мать, сестеръ и братьевъ, и садъ, въ которомъ вы играли, и калитку, изъ которой во дни юности выходили украдко на сладкое свиданіе; но не платье, не самоваръ, не калитка, не всѣ эти пустыя частности исторгнутъ грустно-сладостную слезу воспоминанія изъ вашихъ глазъ, а тотъ "букетъ" жизни, тотъ ароматъ блаженства, который освятилъ ихъ для васъ... Чистая радость и блаженство своимъ бытіемъ, хотя бы характеръ ихъ и былъ дѣтскій, суть дѣйствительность, потому что если они выходятъ и не изъ разумнаго сознанія, то изъ разумнаго ощущенія себя въ лонѣ вѣчнаго духа. Дѣйствительность есть во всемъ, въ чемъ только есть движение, жизнь, любовь; все мертвое, холодное, неразумное, эгоистическое есть призрачность.

Но призрачность получаетъ характеръ необходимости, если мы, оставивъ человѣка съ его субъективной стороны, взглянемъ на него объективно, какъ на члена общества. Все служить духу, и истина идетъ всѣми путями, часто не разбирая ихъ. Иной удовлетворяетъ только низкимъ нуждамъ своей жизни, насыщаетъ свою страсть къ любостяжанію, и между тѣмъ дѣлаетъ пользу обществу, нисколько не думая о его пользѣ, споспѣшествуетъ его развитію и благосостоянію, оживляя торговлю, кругооборотъ капиталовъ — одинъ изъ столбовъ, поддерживающихъ зданіе общества, эту необходимую форму для развитія человѣчества. Но дѣло въ томъ, что одинъ служитъ истинѣ для удовлетворенія потребности собственного духа, личнаго стремленія къ счастію; другой служитъ ей невольно и безсознательно, думая служить себѣ. Такъ бродящій по полю воль, споспѣшствуя плодородію земли, дѣлаетъ большую пользу; но кто же ему поклонится за это, скажетъ спасибо, почтвуетъ къ нему уваженіе? А между тѣмъ безъ такихъ воловъ общество было бы невозможно, и представить его безъ нихъ значило бы представить домъ, построенный изъ камня на воздухѣ.

Дѣйствительность есть положительное жизни; призрачность — ея отрицаніе. Но, будучи случайностію, призрачность дѣлается необходимостію, какъ уклоненіе отъ нормальности вслѣдствіе свободы человѣческаго духа. Такъ здоровье необходимо условливаетъ болѣзнь, свѣтъ — темноту. Цѣлое заключаетъ въ себѣ всѣ свои возможности, и осуществленіе этихъ возможностей, какъ имѣющее свои причины, слѣдовательно свою разумность и необходимость, есть дѣйствительность. Если мы возьмемъ человѣка, какъ явленіе разумности, — идея чѣловека будетъ неполна: чтобы быть полною, она должна заключать въ себѣ всѣ возможности, слѣдовательно и уклоненіе отъ нормальности, т.-е. паденіе. И потому пустой, глупый человѣкъ, сухой эгоистъ есть призракъ; но идея глупца, эгоиста, подлеца есть дѣйствительность, какъ необходимая сторона духа, въ смыслѣ его уклоненія отъ нормальности.

Отсюда являются двѣ стороны жизни — дѣйствительная, или разумная дѣйствительность, какъ положеніе жизни, и призрачная дѣйствительность, какъ положеніе жизни.

Остроуміе.

Есть остроуміе пустое, ничтожное, мелочное, остроуміе, играющее словами, опирающееся на "какъ бы не такъ" и тому подобномъ, остроуміе, глотающее иголки ума, которыми можетъ и само подавиться; потомъ есть остроуміе, происходящее отъ умѣнія видѣть вещи въ настоящемъ видѣ, схватывать ихъ характеристическія черты, выказывать ихъ смѣшныя стороны. Остроуміе первого рода есть удѣльь великихъ людей на малая дѣла;

остроуміє второго рода или дается природою, или пріобрѣтается горькими опытами жизни, или вслѣдствіе грустнаго взгляда на жизнь: оно смѣшилось, но въ этомъ смѣхѣ много горечи и горести.

Ученость.

Ученость — вещь почтенная, и мы сочли бы варваромъ, готтентотомъ всякаго, кто безъ уваженія сталъ бы смотрѣть на ученость; но ученость учености рознь: есть ученость истинная, свѣтлая, плодотворная и благотворная, и есть ученость ложная, мрачная, бесплодная, хотя и работающая. Черезъ ученость люди доискиваются истины; черезъ ученость доискивался истины Фаусть, тревожимый внутренними вопросами, мучимый страшными сомнѣніями, жаждавшій обнять, какъ друга, всю природу, стремившійся добраться до начала всѣхъ началъ, до источника жизни и свѣта, и безтрепетно пускавшійся въ безпредѣльный и невещественный міръ матерей — первородныхъ, чистыхъ идей. Но черезъ ученость же добивался истины и Вагнеръ, человѣкъ узколобый, ограниченный, слабоумный, сухой, безъ фантазіи, безъ сердца, безъ огня душевнаго, прототипъ педанта... Къ чему ни прикоснется Вагнеръ — все изсыхаетъ и гнѣтъ подъ его мертвою рукою: цвѣты теряютъ свои краски и благоуханіе, красота превращается въ мертвый аппаратъ, нравственность становится скучнымъ жеманствомъ, истина — пошлою сентенціею... Глядя на Вагнера, особенно слушая его, чувствуешь невольное отвращеніе къ наукѣ и къ учености: такъ противѣтъ въ глазахъ вашихъ красивый, благоухающій, вкусный и сочный плодъ, если по немъ проползеть отвратительный слизнякъ...

Хуже всего въ Вагнерѣ то, что онъ отъ всей души считаетъ себя великимъ ученымъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ усердно занимается своимъ предметомъ, много прочель и перечель, знаетъ бездну фактовъ, — словомъ, по всѣмъ правамъ принадлежить къ числу самыхъ остервенѣлыхъ книгоѣдовъ. Но, несмотря на то, онъ такъ же мало имѣеть право претендовать на титло ученаго, какъ и на званіе умнаго человѣка. Это не потому только, что Вагнеръ ограниченъ и, какъ говорится, недалекъ и пороха не выдумаетъ: и ограниченные люди могутъ быть учеными (эмпирически и фактически), и своими посильными трудами, очищая старые факты и натыкаясь на новые, приносить пользу наукѣ; но потому, что Вагнеръ, о которомъ мы говоримъ, въ наукѣ видить не научу, а свою мысль и свое самолюбіе. Онъ принимается за научу уже съ готовою мыслію, съ опредѣленною цѣлью, садится на научу, какъ на лошадь, зная впередъ, куда привезетъ она его. Мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы нельзя было приступить къ наукѣ изъ желанія оправдать ею свою задушевную мысль, въ которой человѣкъ убѣжденъ по чувству, предчувствію, а priori и которой онъ хочетъ, путемъ научи, дать дѣйствительное, реальное существованіе. Нѣтъ, такъ приступаль къ наукѣ не одинъ великий человѣкъ, и не безъ успѣха; но для этого нужно прежде всего, чтобы задушевная, завѣтная, пророческая мысль родилась въ благодатной натурѣ, въ свѣтломъ умѣ, и чтобы она носила въ себѣ зерно разумности; потомъ необходимо, чтобы приступающій такимъ образомъ къ наукѣ, для оправданія своей мысли въ собственныхъ глазахъ и глазахъ всего міра, — вошелъ въ святилище научи съ обнаженными и чистыми ногами, не занося въ него сора и пыли заранѣе принятыхъ на вѣру убѣждений. Онъ долженъ, на все время изслѣдованія, отречься отъ всякаго пристрастія въ пользу своей идеи, долженъ быть готовъ дойти и до убывающаго ее результата. Человѣкъ, который посвящаетъ себя научѣ, не только можетъ, долженъ быть живымъ человѣкомъ, въ тѣлѣ, съ кровью, съ сердцемъ, съ любовью; но у научи не должно быть тѣла, крови и сердца: она — духъ безтѣлесный, чистый отвлеченный разумъ, безъ крови и сердца, безъ страстей и пристрастій, холодный, строгій, суровый и безпощадный. У нея есть любовь, но своя особенная, ей только свойственная, духовная, идеальная любовь къ предмету безплотному, отвлеченому — къ истинѣ, — не къ той или вотъ этой истинѣ, заранѣе извѣстной, а къ такой, какая сама-собою явится результатомъ свободнаго изслѣдованія. Въ этомъ смыслѣ, типъ истиннаго ученаго —

математикъ, который, ища неизвѣстной величины, никакъ не заботится, какая именно будетъ эта величина, и понравится она ему, или нѣтъ: для него всѣ величины равно хороши, и онъ добивается именно той, которая необходимо должна быть результатомъ рѣшаемой имъ задачи. У кого есть любимая мысль и кто, такимъ образомъ, оправдываетъ ее черезъ науку, тотъ вполнѣ заслуживаетъ высокаго и благороднаго титла ученаго; равнымъ образомъ какъ и тотъ, кто умеетъ отказаться отъ любимаго убѣжденія, если увидитъ, что оно оказалось, черезъ ученое изслѣдованіе, предубѣждениемъ или заблужденіемъ. Не таковы Вагнеры, о которыхъ мы говоримъ: они обращаются съ наукой какъ съ лошадью, которую заставляютъ насилино везти себя куда имъ нужно или куда имъ угодно. Любимыя мысли ихъ всегда внѣ науки и ея интересовъ.

Наглядность.

Наглядность признана теперь всѣми единодушно самымъ необходимымъ и могущественнымъ помощникомъ при ученії. Она состоить въ томъ, чтобы помогать памяти и уму ребенка представлениемъ вида и образа предметовъ, которые онъ изучаетъ. Это материальное и чувственное вспомогательное средство для спасенія бѣдныхъ дѣтей отъ убийственнаго, подавляющаго способности, сухого и мертваго отвлеченія, столь любимаго идеалистами. Великая важность наглядности основана на самой природѣ человѣка, у которого самыя отвлеченные умственные представленія все-таки суть не иное чѣмъ, какъ результатъ дѣятельности мозговыхъ органовъ, которымъ присущи извѣстныя способности и качества. Давно уже сами философы согласились, что "ничего не можетъ быть въ умѣ, чѣмъ прежде не было въ чувствахъ". Гегель, признавая справедливость этого положенія, прибавилъ: "кромѣ самого ума". Но эта прибавка едва ли не подозрительна, какъ порожденіе трансцендентальнаго идеализма. Человѣкъ не прямо же, не чистымъ мышленіемъ дошелъ до сознанія, что у него есть умъ, а замѣтилъ это прежде всего изъ собственныхъ дѣйствій, въ которыхъ отразился его умъ, но которыя онъ опять-таки только черезъ чувство сознать своимъ умомъ. Всякий, даже простой человѣкъ знаетъ, что у него умъ въ головѣ, — знаетъ это по причинѣ, можетъ-быть, болѣе простой и естественной, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Человѣкъ въ порывѣ горячихъ, страстныхъ чувствъ невольно прижимаетъ руку къ груди и сердцу, куда сильнѣе приливаютъ кровь при движеніяхъ чувствъ. Когда же человѣкъ о чѣмъ нибудь размышляетъ, сильно занять какимъ нибудь соображеніемъ, особенно разсчисленіемъ, — палецъ его какъ будто невольно то и дѣло прилагается ко лбу, а рука невольно отъ времени до времени потираетъ лобъ. Явленіе простое, но многознаменательное! Во время процесса мысли человѣкъ какъ будто чувствуетъ, что тутъ гнѣздо его мыслительной дѣятельности, что тамъ тоже происходитъ какое-то беспокойство, которое обнаруживается и въ его озабоченныхъ движеніяхъ, что тамъ какъ будто что-то шевелится...

Посмотрите, какъ жадны дѣти къ картинкамъ! Они готовы прочесть самый сухой и скучный текстъ, лишь бы только онъ объяснилъ имъ содержаніе картинки. И потому картинки все болѣе и болѣе дѣлаются пособіемъ при воспитаніи и ученіи.

Относительность понятій.

На свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно важнаго или неважнаго. Противъ этой истины могутъ спорить только тѣ исключительно теоретическія натуры, которые до тѣхъ поръ и умны, пока носятся въ общихъ отвлеченностяхъ, а какъ скоро спустятся въ сферу приложеній общаго въ частному, словомъ, въ мірѣ дѣйствительности, тотчасъ оказываются сомнительными на счетъ нормального состоянія ихъ мозга. О такихъ людяхъ русская поговорка выражается, что у нихъ умъ за разумъ зашелъ, — выраженіе, столько же глубокомысленное, сколько и справедливое, потому что оно не отнимаетъ у людей этого разбора ни ума, ни разсудка, но только указываетъ